

Александр Ольховенко

**Крысиный король
страны, которой нет**

«Автор»

2026

Ольховенко А. В.

Крысиный король страны, которой нет / А. В. Ольховенко —
«Автор», 2026

Эта история — о гнили. О том, что даже самое тёмное, самое испорченное, самое безнадёжное может измениться. Может стать чем-то. другим. Я не знаю, правда ли это. Я не знаю, может ли настоящая гниль — та, что внутри нас — исчезнуть. Но я хочу верить, что может. Потому что иначе... иначе нет смысла. А смысл нужен всем Даже помойным крысам в стране, которой нет.

© Ольховенко А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Смерть и помойка	5
Глава первая: Страна, которой нет	8
Глава вторая: Законы помойки	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Ольховенко

Крысиный король страны, которой нет

Пролог: Смерть и помойка

Умирать в сточной канаве — это не метафора.

Я лежал лицом вниз в чём-то тёплом и вонючем, и это "что-то" было мной. Точнее, тем, что от меня осталось. Кровь смешивалась с грязной водой, стекавшей по бетонному жёлобу куда-то в темноту — туда, где даже крысы не задерживаются надолго.

Я знал, что умру. Знал с того момента, как нож вошёл под рёбра — третий раз за вечер, но первый раз так глубоко. Лезвие провернулось, и я почувствовал, как что-то внутри лопнуло, как перезревшая слива.

Это было правильно. Справедливо, если хочешь знать.

Я был гнилью. Не метафорической — настоящей. Я гнил изнутри всю свою жизнь, с самого детства, когда понял, что могу брать то, что хочу, если не буду обращать внимания на крики. Сначала это были игрушки. Потом деньги. Потом люди — их страх, их боль, их жизни.

Я был человеком, который оставлял после себя только грязь.

И вот теперь грязь поглощала меня.

Холод подступал откуда-то изнутри, растекался по конечностям, как чернила в воде. Я попытался вспомнить что-то хорошее — мать, которая умерла, когда мне было шесть? Она смотрела на меня с ужасом в последние месяцы, когда поняла, каким я расту. Отца, который ушёл и никогда не вернулся? Он был умнее нас обоих.

Нет. Не было ничего хорошего. Я прожил сорок три года и не сделал ни одного доброго дела, которое не было бы оплачено чьими-то страданиями.

Темнота сгустилась вокруг меня, и я закрыл глаза.

И умер.

Но смерть, как выяснилось, была не концом.

Я очнулся в темноте, которая была другой. Не той, что поглотила меня в канаве — та была холодной и окончательной. Эта была... живой. Она пульсировала, дышала, шептала что-то на языке, который я почти понимал.

Я попытался открыть глаза.

И не смог.

Точнее, я открыл их, но то, что я увидел, не имело смысла. Мир был... больше. Огромнее. Стены вокруг меня возвышались, как скалы, запахи обрушивались водопадом — тысячи, миллионы запахов, каждый со своим цветом, вкусом, историей.

Я попытался встать.

И обнаружил, что у меня четыре лапы.

Четыре лапы.

Я опустил голову — нет, морду — и увидел серую шерсть, покрытую грязью и какой-то слизью. Длинный хвост, который двигался сам по себе, как живое существо. Маленькие лапки с острыми коготками.

Я был крысой.

Нет. Не просто крысой.

Я был помойной крысой.

Знаете, есть разница между крысой, которая живёт в клетке у ребёнка, и той, что обитает в сточных водах. Я был вторым. Моё тело знало это, даже если разум отказывался принимать.

Шерсть была свалявшейся и жирной, пропитанной чем-то, что я предпочёл бы не идентифицировать. Одно ухо было порвано — старая рана, которая так и не зажила правильно. На левой задней лапе не хватало пальца.

И я был маленьким. Слишком маленьким. Детёныш, может, несколько недель от роду.

Что за чертовщина?

Я попытался закричать — и издал писк. Тонкий, жалобный, отвратительный писк.

Вокруг меня что-то зашевелилось.

Я повернул голову — и увидел их. Других крыс. Десятки. Может, сотни. Они сновали в полутьме, их глаза сверкали красным, и все они двигались с той целеустремлённостью, которая бывает только у существ, которые знают своё место в мире.

Самого дна.

Я попытался понять, где нахожусь. Запахи говорили мне — подземелье. Тоннели. Что-то гниющее, но не смертельно. Вода — грязная, но текущая. И где-то наверху, далеко, был свет.

Это был сон. Кошмар. Я всё ещё в канаве, истекаю кровью, и мой мозг просто...

Крыса рядом со мной — большая, старая, с изувеченной мордой — повернулась и посмотрела на меня.

И заговорила.

Не словами. Крысы не говорят словами. Но я понял её. Запах, движение усов, вибрация воздуха — всё это складывалось в нечто, что мой новый мозг интерпретировал как речь.

"Новый. Слабый. Сдохнет быстро."

Она отвернулась, потеряв ко мне интерес.

Я остался сидеть на холодном камне, глядя на своё отражение в тёмной воде — маленькое, жалкое, серое.

И где-то глубоко внутри меня, в той части, которая раньше была человеком, что-то сломалось.

Потому что я понял — это не сон.

Глава первая: Страна, которой нет

Первые дни я провёл в оцепенении.

Моё тело знало, что делать, даже если разум отказывался принимать реальность. Оно искало еду, избегало опасности, находило укромные места для сна. Инстинкты, встроенные в каждую клетку этого маленького тела, работали безотказно.

Я ел отбросы. Я пил грязную воду. Я прятался от больших крыс, которые могли меня убить одним укусом.

И я наблюдал.

Мир, в котором я оказался, был... странным. Да, это была помойка, подземелье, сточная система — но что-то в ней было не так. Что-то больше.

Я чувствовал это в воздухе — тонкое покалывание, которое пробегало по шерсти и заставляло усы дрожать. Я видел это в воде — иногда в ней мелькали огоньки, как звёзды, упавшие в грязь. Я слышал это в шёпоте других крыс — они говорили о вещах, которых не должно быть в мире простых животных.

Магия.

Слово всплыло из глубин моего человеческого сознания, и я едва не рассмеялся. Нет, не рассмеялся — запищал. Магия. Волшебство. Сказки для детей.

Но это была не сказка.

Это была реальность.

И я был её частью — маленькой, грязной, ничтожной частью.

На третий день я понял, что могу думать. По-настоящему думать. Моё человеческое сознание не исчезло — оно просто... сжалось. Поместилось в маленький череп, приспособилось к новому телу. Я мог вспоминать свою прошлую жизнь, мог анализировать, мог планировать.

Но не мог ничего сделать.

Моё тело было слишком слабым. Слишком маленьким. Слишком гнилым — я чувствовал это, чувствовал, как что-то внутри меня всё ещё разлагается, медленно, но верно. Болезнь из прошлой жизни последовала за мной даже сюда.

Второй шанс.

Кто-то дал мне второй шанс. И этот кто-то — или что-то — имел очень странное чувство юмора.

Я лежал в углублении стены, свернувшись клубком, и слушал. Крысы вокруг меня говорили — не так, как люди, но говорили. Обрывки информации, запахи, движения. Я учился понимать их язык, и постепенно картина мира складывалась.

Это место называлось... у него не было названия, которое я мог бы произнести. Крысы обозначали его запахом и направлением — "здесь", "внизу", "там, где течёт тёплая вода". Но я чувствовал, что это не просто система тоннелей.

Это была страна.

Страна, которой не было ни на одной карте. Страна, которая существовала между мирами, под ними, вокруг них. Страна отбросов, изгоев, тех, кто не вписался.

Страна помойных крыс.

Вожак.

Каждая стая имеет вожака — даже стая крыс. Особенно стая крыс. И наш вожак был... особенным.

Его звали Клык — не имя в человеческом смысле, но запах, который он выпускал, означал что-то вроде "тот, кто кусает". Он был огромным — для крысы, конечно — с блестящей чёрной шерстью и глазами цвета запёкшейся крови. Его хвост был вдвое длиннее, чем у остальных, и на конце имел странное утолщение, похожее на набалдашник.

И он был умён.

Слишком умён для крысы.

Я понял это в тот момент, когда он впервые заметил меня. Я сидел в тени, пытаюсь не привлекать внимания, но он нашёл меня — как будто чувствовал запах моей чужеродности.

"Ты."

Он не сказал это — он подумал это, и мысль вошла в мой разум, как игла под кожу. Я вздрогнул, моё маленькое тело сжалось, инстинкты кричали бежать, прятаться, но я не мог двигаться.

"Ты не такой, как другие."

Клык приблизился, его морда оказалась рядом с моей, и я почувствовал его дыхание — горячее, с запахом крови и чего-то ещё, чего-то странного. Магии.

"Ты помнишь."

Он знал. Он знал, что я был человеком.

Я попытался ответить — но не словами. Я не мог говорить. Я мог только думать, и мои мысли были хаотичными, перепуганными, жалкими.

"Да."

Клык отступил на шаг. Его усы дёрнулись — жест, который я уже научился понимать как удивление. Или презрение.

"Интересно. Ты — первый за долгое время. Обычно они просто... становятся крысами. Забывают. Но ты..."

Он замолчал, изучая меня.

"Ты гнилой. Я чувствую это. Что-то внутри тебя гниёт, и это не только тело. Это... душа. Ты принёс свою гниль с собой."

Я не мог отрицать этого. Я чувствовал то же самое.

"Здесь таких много," — продолжил Клык. — "Страна, которой нет, принимает всех. Но не всех одинаково. Ты — помойная крыса. Самое дно. Хуже только..."

Он не закончил. Ему и не нужно было.

"Выживешь — останешься. Не выживешь — станешь кормом. Так работает здесь."

Он повернулся, собираясь уйти.

"Подожди," — подумал я, отчаянно. — "Что это за место? Почему я здесь? Кто..."

Клык остановился. Не обернулся, но остановился.

"Ты был гнилью в своём мире. Ты отравлял всё, к чему прикасался. Здесь ты — то, чем всегда был внутри. Помойная крыса в помойной стране."

Пауза.

"Может быть, если выживешь, найдёшь способ измениться. Может быть, нет. Мне всё равно."

И он ушёл, оставив меня одного в темноте.

Глава вторая: Законы помойки

Жизнь помойной крысы — это постоянная борьба.

Не за что-то возвышенное — за еду, за место для сна, за право не быть съеденным. Каждый день — битва, каждый час — опасность. Я быстро это понял.

Моё тело было слабым, но разум — человеческим. Это давало преимущество. Я мог планировать, мог запоминать, мог анализировать. Я наблюдал за другими крысами, учился их повадкам, изучал территорию.

Подземелье, в котором мы жили, было огромным. Тоннели тянулись на мили во все стороны, соединяясь в узлы и перекрёстки. Некоторые вели наверх — к миру света, где были люди. Другие уходили вниз — в глубины, где обитали существа, о которых крысы говорили только шёпотом.

Я старался держаться подальше от глубин.

Моя территория была небольшой — угол под трубой, где капала тёплая вода, и рядом куча отбросов, которую другие крысы почему-то игнорировали. Я понял почему только через несколько дней — отбросы были отравлены. Не смертельно, но достаточно, чтобы вызвать болезнь.

Для обычной крысы.

Но я был не обычной крысой.

Я чувствовал яд — чувствовал его запах, вкус, текстуру. И что-то внутри меня... реагировало. Моё тело боролось с ядом, как будто знало, как это делать. Как будто было создано для этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.